

СОВРЕМЕННЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ

Шкель С. Н.

Аннотация. Предметом исследования являются современные типологии и классификации недемократических режимных форм, разработанных политологами на современном этапе. Автор подробно рассматривает специфические субтипы современных разновидностей авторитарных режимов, а также критически анализирует возможности эмпирической верификации и операционализации выдвинутых понятий. Все представленные типологии и классификационные схемы рассматриваются с точки зрения релевантности их применения для исследования политико-режимных трансформаций в странах постсоветского пространства. Особое внимание уделено концептам «гибридных режимов» в виде «электорального» и «соревновательного» авторитаризма. Используются методы систематизации и формальной логики, на основе которых весь спектр существующих классификационных схем недемократических политических режимов группируется в три ключевых подхода, отличающихся друг от друга по главному критерию построения типологий. В статье предлагается систематизация всего спектра современных типологий авторитарных режимных форм, согласно которой они делятся на три главные группы: электоральные, акторские и институциональные. Делается вывод, что безусловным достоинством новых классификационных схем стала возможность анализа переходов не только от автократий к демократии, но и внутри недемократических форм. В целом можно признать, что разные концепты скорее помогают, нежели мешают ученым использовать ту или иную типологию для решения специфических исследовательских задач.

Ключевые слова: политические режимы, авторитаризм, типология, классификация, политическая теория, электоральный авторитаризм, соревновательный авторитаризм, гегемония, политические институты, политические акторы.

Весь спектр новых типологий авторитарных режимов, разработанных учеными на современном этапе, по базовому классификационному критерию условно можно разделить на электоральные, акторские и институциональные.

Электоральный подход. Представители электорального подхода отталкиваются [стр.1562-1563] от традиции Шумпетера-Даля, используя критерий конкуренции элит как базовый. Ярким примером этого подхода является типология, предложенная М. Алваресом, А. Чейбуком, Ф. Лимонджи и А. Пшеворским, в рамках которой критерий конкуренции используется для эмпирически строгого разграничения демократии от авторитаризма [8].

Хотя концентрация только на качестве конкуренции в измерении режимного типа имеет определенные недостатки [22], фокусировка на электоральных критериях позволила разграничить не только авторитаризм от демократии, но и более четко градировать различия в рамках недемократических режимных форм, а также выявить «переходные» (гибридные) режимы.

Концепт гибридного режима сформировался в рамках парадигмы исследования демократизации и сначала под такого рода режимными формами теории понимали некоторые субтипы демократии. Так, Г. О’Доннелл и Ф. Шмиттер еще в середине 1980-х гг. предложили выделять такие переходные режимы как «диктобланда» и «демокрадура» [24]. С. Хантингтон, анализируя общие тенденции развития «демократий третьей волны», отмечал, что «мы являемся свидетелями появления все большего числа стран, которые на шкале «демократия — недемократия» находятся где-то посередине между Данией и Китаем» В дальнейшем разными исследователями для определения переходных режимных форм были предложены многообразные концепты из разряда «демократий с прилагательными» [10].

В отличие от парадигмы транзита, исследователи авторитаризма на современном этапе стали рассматривать случаи гибридных режимов не как некие переходные формы или амальгамные фазы демократизации, но как особые типы политического режима, характеризующиеся специфическими признаками и особой логикой функционирования. С этой точки зрения, несмотря на наличие основных демократических атрибутов, по своим базовым характеристикам они относятся не к семейству демократических, а к разновидности авторитаризма.

Подойдя с противоположного полюса анализа «серой зоны» и, исследователи авторитаризма стали разрабатывать концепты гибридных режимов как недемократических, порождая новые версии «авторитаризма с прилагательными». Сегодня с уверенностью можно сказать, что из всего многообразия этих версий наиболее широкое признание получили концепты «электорального авторитаризма» (А. Шедлер) [12] и «соревновательного авторитаризма» (С. Левитский, Л. Вэй.) [19; 20]. Оба концепта при определении режимного типа фокусируются на выборы и качество электорального процесса. Именно суть избирательных процедур является главным критерием при различении электорального авторитаризма, как от полномасштабной автократии, так от демократии. Как указывает А. Шедлер, в отличие от закрытого, в рамках электорального авторитаризма выборы исполнительной и законодательной власти проходят на регулярной основе и не являются только ширмой, скрывающей прямую диктатуру. Будучи конкурентными, то есть открытыми для участия принципиальной оппозиции, они не являются просто фарсом и при определенных обстоятельствах могут представлять вполне реальную угрозу инкубенту. Однако, в отличие от демократии, ключевой характеристикой электорального авторитаризма является то, что избирательные институты настолько сильно и регулярно искажаются в интересах властвующей группировки, что начинают походить не столько на демократический механизм ротации элит, сколько на инструмент легитимации и удержания властных позиций авторитарными правителями [25].

Схожим образом С. Левитский и Л. Вэй, разделяя соревновательный авторитаризм от демократии и полномасштабного авторитаризма, фокусируются на выборах и статусе оппозиции. В демократиях выборы свободные и честные, а статус оппозиции носит равный и конкурентный характер. Полномасштабный авторитаризм представляет полную противоположность, проводя нечестные и несправедливые выборы, выражением чего служит оппозиция, которая перманентно подавляется или даже изгоняется за пределы страны. [стр.1563-1564] Специфика соревновательного авторитаризма состоит в том, что выборы проводятся честные, но несправедливые. В то время как статус оппозиции носит открытый, конкурентный, но неравный характер [20, р. 52-54].

Исходя из выдвинутых положений, С. Левитский и Л. Вэй предлагают свою типологию авторитарных режимов, разделяя их на закрытые (гегемонистские) и конкурентные. Следуя теоретической стратегии Х. Линца, к закрытым типам авторитаризма они относят тоталитаризм, посттоталитаризм, султанизм, бюрократический авторитаризм и патримониализм. Соревновательный авторитаризм они причисляют к «семейству» гибридных режимов, наряду с эксклюзивной республикой (конституционной олигархией), опекунской демократией и ограниченной (полуконкурентной) демократией [19, р. 13-15].

Развивая концепт соревновательного авторитаризма, М. Говард и Ф. Ресслер разработали более системную версию электоральной классификации, отражающей, в том числе, и гибридные режимные формы. Фокусируясь на электоральных критериях, они разделили все современные политические режимы на пять основных типов. Авторитарные режимы в рамках их типологии делятся на два вида: закрытые и электоральные. Закрытым авторитаризмом исследователи называют такой режим, при котором основная часть народа исключена из процедур выбора высшего государственного должностного лица и его назначение определяется ограниченным кругом элиты в виде властвующей семьи, армии или партии. В свою очередь электоральные авторитарные режимы делятся на два вида: гегемонистский и соревновательный. Их сближает наличие регулярных выборов высших должностных лиц. Однако, если в гегемонистском авторитаризме к выборам оппозиция не допускается и они носят абсолютно неконкурентный характер, то в соревновательном авторитаризме оппозиционные акторы имеют более широкие пространства свободы, а барьеры для входа на политический рынок достаточно низки, что позволяет им осуществлять электоральную конкуренцию с инкубентом. Вместе с тем властвующая группировка в рамках соревновательного авторитаризма использует по отношению к своим политическим соперникам избирательные репрессии, ограничивает их доступ к СМИ и использует другие методы, создающие абсолютно несправедливые условия конкуренции. Тем не менее хотя все усилия власти нацелены на получение предопределенного электорального исхода, выборы в некоторой степени сохраняют элемент непредсказуемости. В такой ситуации оппозиция, как правило, выбирает стратегию участия в электоральной борьбе, в то время как в рамках гегемонистского авторитаризма она вынуждена их бойкотировать [18]. Два остальных типа режимов в рассматриваемой

классификации являются демократическими, разделенными на электоральную и либеральную демократию в трактовке Л. Даймонда. Демократические процедуры электоральной демократии ограничиваются избирательными процедурами, в то время как либеральная демократия включает в себя более широкий спектр либеральных прав и свобод.

Безусловным достоинством новых подходов в систематизации режимных типов стала возможность более точной и эмпирически обоснованной операционализации выдвинутых теоретических категорий, что, в свою очередь, открыло новые перспективы статистического анализа.

Акторский подход. Наиболее общепризнанной в ряду классификаций, построенных на основе акторского подхода, является разработка Б. Геддес, которая основным критерием при кодировании авторитарных режимов предложила ответ на единственный вопрос: кто правит? Основным параметром ее типологии является главный субъект (актор) принятий решений [13, p.121]. По этому критерию она выделяет три основных типа авторитаризма: военный, однопартийный и персоналистский. Хотя аналогичный подход использовал ранее С. Хантингтон [7], именно в работах Б. Геддес данная типология нашла завершенную концептуализацию. В своих последующих работах к этим типам она также добавила еще одну форму авторитаризма в виде монархии [14]. Это внешнее упрощение имело ряд преимуществ, которые позволили автору решить ряд методологических проблем и прийти к важным выводам относительно закономерностей [стр.1564-1565] функционирования и специфике режимной динамики в зависимости от типа автократий.

Во-первых, данная исследовательская стратегия на основе единой методологии позволила включить в поле анализа все авторитарные режимы из самых разных регионов мира. Если ранее исследователи уделяли внимание региональной и исторически обусловленной специфике режимов, что приводило к созданию новых идеально-типических форм авторитаризма и мозаичности видения развития исследуемых политических явлений, то теперь стало возможно охватить все группы режимов и на основе сравнительного анализа выявить некую единую логику их развития. Так, обращаясь к вопросу о причинах разных векторов развития политических трансформаций в период третьей волны демократизации в разных регионах мира, Б. Геддес, избегая глубокого погружения в специфику культурно-исторического контекста, концентрируется на параметрах фракционализма элит и характере элитной конкуренции, которые, в свою очередь, зависят от типа авторитарного режима. Исследователь обращает внимание, что тип доминирующего актора играет значение при выборе стратегии властвующих элит в условиях политической неопределенности. Структура элит и логика управления в военном режиме больше всего предрасположена к внутриэлитному расколу, что подтверждают примеры демократизации в странах Латинской Америки и Южной Европы. Напротив, однопартийные и персоналистские режимы способны заблаговременно ликвидировать межэлитную борьбу и сохранять монолитность правящей группы, что создает объективные препятствия для трансформации режима по классической транзитологической модели «пактов». Это объясняет, почему трансформация подобных режимов в Африке или государствах постсоветского пространства стала возможна только в условиях политической мобилизации широких слоев населения, давления снизу и экзогенных шоков [13, p.121-123].

Во-вторых, на основах теории рационального выбора Б. Геддес обосновывает разные интересы политических элит в зависимости от типа авторитаризма, что влияет на динамику политической трансформации. Аргументируя свою позицию с помощью теории игр, автор доказывает, что специфика констелляций интересов у военных в условиях раскола элит создает меньше стимулов для инкубентов удерживать власть, чем это происходит в условиях однопартийного или персоналистского режимов [13, p. 125-130].

Наконец, в-третьих, предложенная типология позволила провести количественный анализ и эмпирическим путем выявить разницу в устойчивости и долговременности выживания разных типов авторитаризма. Результаты исследования показали, что среди всех недемократических режимов в период с 1946 по 1998 год. Однопартийные режимы обладают наибольшей устойчивостью (средняя продолжительность 35 лет). Менее устойчивыми являются персоналистские режимы, которые редко сохраняются после ухода с властного Олимпа диктатора (средняя продолжительность 18,8 лет). Наиболее уязвимыми и недолговечными оказываются военные режимы (средняя продолжительность всего чуть более 7 лет) [13, p. 125].

Институциональный подход. Предложенные Б. Геддес критерии типологии авторитарных режимов нашли продолжение в работах других исследователей. Одной из наиболее известных сегодня можно признать классификацию, разработанную М. Вэхмэнем, А. Хэденисуом и Дж. Теореллом, которые, оттолкнувшись от основных положений концепта Б. Геддес, существенно модифицировали его, дополнив вторым измерением в виде институциональной конструкции режима. В основе концепта этих авторов разделение режимов по характеру доминирующих институций, определяющих доступ к властным позициям и выработку управленческих решений. В частности, это: наличие или отсутствие наследственной передачи власти; роль военных во власти и степень влияния таких институтов как выборы и политические партии [27, р. 20]. По этим измерениям авторы выделяют три основных режимных типа: монархию, военный и электоральный режимы, а также смешанные субтипы. В свою очередь, электоральные режимы делятся ими на непартийные, однопартийные и многопартийные. Как видно, в от- [\[стр.1565-1566\]](#) личие от Б. Геддес, персоналистские режимы ученые исключают из разряда отдельного типа, рассматривая персонализм как черту, присущую в той или иной мере всем базовым авторитарным режимным типам.

Однако с точки зрения анализа специфики постсоветских авторитарных форм наиболее перспективным представляется версия институционального подхода с акцентом на учет не только формальных, но также неформальных режимных институций. Одной из первых попыток разработки классификации, учитывающей роль неформальных практик, является типология Г. О’Доннелла, который в качестве дополнительного измерения для анализа политических режимов предложил использовать такие критерии, как характер политической институционализации и преобладающий тип институтов [23]. Институты в данном случае понимались в трактовке неоинституционализма [5], то есть не как только набор организаций, но и как совокупность общепринятых норм и правил политической деятельности. Г.О» Доннелл указывает, что если для «старых» демократий характерно господство формальных институтов, то в «новых поставторитарных режимах преобладают неформальные институты, основанные на клиентелистских отношениях и патримониальном господстве. В таких режимах формальные демократические институты хотя и существуют (проходят выборы, функционируют парламенты и т.д.), но играют скорее роль фасада, скрывающего реальные процессы принятия политических решений на уровне неформальных институтов [6,с. 21].

Тезис о важности учета неформальных институтов при выработке критериев оценки постсоветских политических режимов получил широкое признание как за рубежом, так и среди российских ученых. Наиболее последовательно из отечественных ученых тезис Г.О» Доннелла о роли неформальных институтов в переходных режимах развивает В. Гельман, выдвинувший тезис о необходимости переосмысления классических определений таких понятий как «демократия» и «политический режим», которые в свете постсоветской практики выглядят недостаточными [15]. Рассматривая доминирующий тип институтов (формальные, то есть утвердившийся принцип верховенства права или неформальные) в качестве основы различий между постсоветскими режимами, автор предлагает новое определение и типологию постсоветских политических режимов. Само понятие «политический режим» трактуется сугубо функционально, не как форма правления (президентский или парламентский) или идеологическое клише («тоталитарный режим»), но как «исчерпывающая совокупность присущих данному политическому образованию акторов (с их ресурсами и стратегиями) и институтов» [2, с.19].

Отдельным влиятельным направлением на современном этапе при анализе и классификации постсоветских авторитарных режимных форм стала парадигма неопатримониализма, истоки которой связаны с методологическими положениями политической социологии М. Вебера.

М. Вебер впервые теоретически обосновал патримониальный (от лат. «patrimonium» — наследственное, родовое имущество) тип политического господства, характерной чертой которого является отсутствие бюрократического разделения сферы официального и частного. Политическое управление в такой системе власти рассматривается правителем подобно личному хозяйству, а политические полномочия функционируют как часть его личной собственности, которая может приносить доход в виде налогов или дани [28]. Патримониальное управление М. Вебер понимал как одну из форм традиционного господства, основанного на экономической зависимости поданных от своего хозяина. Предоставление в пользование поданным определенных прав по распоряжению

имуществом хозяина приводило к возникновению стимулов по использованию этих полномочий в частных целях. В тоже время экономическая зависимость чиновничества от воли начальника означала их полное бесправие по отношению к последнему. В таком режиме ограничение произвола правителя осуществляется только традиционными нормами. Однако при их отсутствии власть правителя становится абсолютно безграничной и деспотической. Такого рода [стр.1566-1567] тип патримониализма М. Вебер предложил обозначать термином «султанизм» [1, с. 156].

Концепт традиционного господства и его разновидностей в виде классического патримониализма и султанизма получили развитие в последующих теоретических разработках исследователей. Так, в уже упоминаемой выше типологии Х. Линца и А. Степана режимный тип в виде султанизма получил дальнейшую концептуализацию. Согласно выдвинутым четырем критериям оценки режимов, султанизм характеризуется отсутствием идеологии, конституционализма, минимальным уровнем плюрализма, обусловленным неразделенностью между властью и собственностью, а также низким уровнем политической мобилизации [21, р. 116]. Султанизм определяется как режим личной власти, но основанный не на харизме и не на идеологии, а на синтезе страха и подкупа подчиненных. Власть в таком режиме не имеет ни идеологических, ни ценностных ограничений [26].

М. Браттон и Н. Ван де Валл использовали неопатримониальный концепт для анализа режимных трансформаций в Африке начала 1990-х гг. Они также пришли к выводу, что влияние модернизации при сохранении элементов традиционных отношений приводит к формированию политической системы, в которой «обычаи и образцы патримониализма сосуществуют и покрывают рационально-легальные институты» [9].

В последнее время неопатримониальный подход стал вполне успешно применяться исследователями для объяснения политических трансформаций и описания логики политического развития постсоветских государств бывшего СССР. Так, Г. Хейл предложил объяснительную схему причин «электоральных революций», главными элементами которой выступают институт «патронажного президентства» и проблема «кризиса наследования власти». Под патронажным президентством исследователь понимает институт, имеющий две ключевые характеристики: 1) наличие в конструкции политической системы прямо и всенародно избранного президента, наделенного широкими формальными полномочиями; 2) наличие у президента неформального влияния, основанного на разветвленной патрон-клиентистской сети и взаимосвязи между государством и собственностью [16, р. 137-138]. Таким образом, могущество президента обуславливается не только и даже не столько формально-правовым контекстом его полномочий, сколько наличием экономических ресурсов, селективное и произвольное распределение которых позволяет ему формировать прочные патронажные сети.

Формальное закрепление за президентом широких полномочий формирует его положение в качестве центральной точки (focal point) политической системы, замыкая на себя поддержку элит, которые кооптируются в президентскую патронажную сеть. Однако ситуация новых выборов при неопределенности будущего победителя создает среди элит «синдром хромающей утки» (lame-duck syndrome), что может привести к элитной дезорганизации и ослаблению прочности патронажных сетей президента. Именно этот момент элитного «шатания» в период «кризиса наследования власти» может обострить внутривластные конфликты, повысить стимулы элитных групп для использования массовой мобилизации в качестве ресурса политической борьбы и создать неопределенность будущего электорального исхода, который на практике выражается в электоральных революциях, произошедших в период 2003-2005 гг. в Грузии, Украине и Кыргызстане. Завершение неопределенности связано с удержанием властных позиций инкубентом или победой оппозиции. Но в любом случае институт патронажного президентства после периода неопределенности снова замыкает патрон-клиентистские сети на себе, устанавливая тем самым новое политическое равновесие, которое может разрушиться только на следующем этапе «кризиса наследования». Таким образом, политическую динамику постсоветского развития Г. Хейл понимает не как линейно-перспективное развитие от авторитаризма к демократии, а как циклический процесс укрепления или ослабления президента, обусловленного логикой патронажного президентства как «игры с нулевой суммой» [4] и процессами поведения элит, реагирующими на вызовы неопределенности в момент «кризиса наследования» [16, р. 140-143].

[стр.1567-1568]

Завершая анализ современных типологий авторитарных режимов, можно сделать вывод, что в отличие от классических подходов и дихотомического деления режимов на авторитарные и демократические, безусловным достоинством новых классификационных схем стала возможность анализа переходов не только от автократий к демократии, но и внутри недемократических форм. Хотя создание все новых типологий инициировало в политологической литературе дискуссии о преимуществах и недостатках каждой из классификаций [27], в целом можно признать, что разные концепты скорее помогают, нежели мешают ученым использовать ту или иную типологию для решения специфических исследовательских задач.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вебер М. Традиционное господство // Прогнозис. 2007. № С. 150-165.
2. Гельман В. Постсоветские политические трансформации (Наброски к теории) // Полис. 2001. № 1. С. 15-29.
3. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2. С. 42-65.
4. Линц Х. Опасности президентства // Пределы власти. 1994. № 2-3. С. 3-24.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
6. О [Доннелл Г. Делегативная демократия // Пределы власти. 1994. № 2-3. С. 21-33.]
7. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 368 с.
8. Alvarez M., Cheibub J., Limongi F., Przeworski A. Classifying Political Regimes // Studies in Comparative International Development. 1996. Vol. 31. № 2. P. 3-36.
9. Bratton M., N. van de Walle. Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in a Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 307 p.
10. Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics. 1997. Vol. 49. № 3. P. 430-451.
11. Diamond L. Is the Third Wave Over? // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. № 3. P. 20-37.
12. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / ed. by A. Schedler. Boulder, CO, und London, UK: Lynne Rienner Publishers, 2006. 268 p.
13. Geddes, B. What do we know about democratization after twenty years? // Annual review in political science. Palo Alto, CA. 1999. № 2. P. 115-144.
14. Geddes B., Wright J., Frantz E. New Data on Autocratic Regimes, 2012. Manuscript [Электронный документ]. URL: <http://dictators.la.psu.edu/pdf/pp9.pdf> (дата обращения: 10.02.2013).
15. Gel'man V. Post-Soviet Transitions and Democratization: Towards Theory-Building // Democratization. 2003. Vol. 10. № 2. P. 87-104.
16. Hale H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // World Politics. 2005. Vol. 58. № 1. P. 133-165.
17. Huntington S. Democracy for the Long Haul // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. № 2. P. 3-13.
18. Howard M., Roessler Ph. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // American Journal of Political Science. 2006. Vol. 50. № 2. P. 365-381.
19. Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. UK: Cambridge University Press, 2010. 517 p.
20. Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. № 2. P. 51-65.
21. Linz, H., A. Stepan. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore and London -. Johns Hopkins University Press. 1996. 479 p.
22. Munck G., Verkuilen J. Conceptualizing and Measuring Democracy: Evaluating Alternative Indices // Comparative Political Studies. 2002. Vol. 35. № 1. P. 5-34. [стр.1568-1569]
23. O'Donnell G. Horizontal Accountability in New Democracies // Journal of Democracy. 1998. Vol. 9. № 3. P. 112-126.
24. O'Donnell G., Schmitter Ph. Transitions from Authoritarian Rule : Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore -. Johns Hopkins University Press, 1986. 81 p.
25. Schedler A. The logic of electoral authoritarianism // Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / ed. by A. Schedler. Boulder, CO, und London, UK: Lynne Rienner Publishers, 2006. P. 1-23.

26. Sultanistic Regimes / ed. by H. E. Chehabi and Juan J. Linz. Baltimore and London: The Johns Hopkins Univ. Press, 1998.284 p.
27. Wahman M., Teorell J., Hadenius A. Authoritarian Regime Types Revisited: Updated Data in Comparative Perspective // Contemporary Politics. 2013. Vol. 19. № 1. P. 19-34.
28. Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley: University of California Press, 1978.1469 p.
29. Шкель С.Н. Процедурные факторы устойчивости авторитарных режимов: концептуальная рамка анализа // Право и политика. - 2014. - 6. - С. 799-806. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.6.12192.
30. Березкина О.С. Классификации политических режимов: историография вопроса. // Исторический журнал: научные исследования. - 2014. - 2. - С. 143-156. DOI: 10.7256/2222-1972.2014.2.12428.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Veber M. Traditsionnoe gospodstvo // Prognosis. 2007. № S. 150-165.
2. Gel'man V. Postsovetskie politicheskie transformatsii (Nabroski k teorii) // Polis. 2001. № 1. S. 15-29.
3. Karozers T. Konets paradigmy tranzita // Politicheskaya nauka. 2003. № 2. С. 42-65.
4. Lints Kh. Opasnosti prezidentstva // Predely vlasti. 1994. № 2-3. S. 3-24.
5. Nort D. Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki. M.: Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala», 1997.180 с.
6. O [Donnell G. Delegativnaya demokratiya // Predely vlasti. 1994. № 2-3. S. 21-33.]
7. Khantington S. Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse KhKh veka. M. -. Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2003. 368 s.
8. Alvarez M., Cheibub J., Limongi F., Przeworski A. Classifying Political Regimes // Studies in Comparative International Development. 1996. Vol. 31. № 2. P. 3-36.
9. Bratton M., N. van de Walle. Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in a Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 307 p.
10. Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics. 1997. Vol. 49. № 3. P. 430-451.
11. Diamond L. Is the Third Wave Over? // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. № 3. P. 20-37.
12. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / ed. by A. Schedler. Boulder, CO, und London, UK: Lynne Rienner Publishers, 2006.268 p.
13. Geddes, B. What do we know about democratization after twenty years? // Annual review in political science. Palo Alto, CA. 1999. № 2. P. 115-144.
14. Geddes B., Wright J., Frantz E. NewData on Autocratic Regimes, 2012. Manuscript [Elektronnyi dokument]. URL: <http://dictators.la.psu.edu/pdf/pp9.pdf> (data obrashcheniya: 10.02.2013).
15. Gel'man V. Post-Soviet Transitions and Democratization: Towards Theory-Building // Democratization. 2003. Vol.10. № 2. P. 87-104.
16. Hale H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // World Politics. 2005. Vol. 58. № 1. P. 133-165.
17. Hantington S. Democracy for the Long Haul //Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. № 2. P. 3-13.
18. Howard M., Roessler Ph. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes [ср.1569-1570] // American Journal of Political Science. 2006. Vol. 50. № 2. P. 365-381.
19. Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. UK: Cambridge University Press, 2010. 517 p.
20. Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. 2002 Vol. 13. № 2. P. 51-65.
21. Linz, H., A. Stepan. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press. 1996.479 p.
22. Munck G., Verkuilen J. Conceptualizing and Measuring Democracy: Evaluating Alternative Indices // Comparative Political Studies. 2002. Vol. 35. № 1. P. 5-34.
23. O'Donnell G. Horizontal Accountabiliti in New Democracies // Journal of Democracy. 1998 Vol. 9. №3. P. 112-126.
24. O'Donnell G., Schmitter Ph. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. 81 p.
25. Schedler A. The logic of electoral authoritarianism // Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / ed. by A. Schedler. Boulder, CO, und London, UK: Lynne Rienner Publishers, 2006. P. 1-23.

26. Sultanistic Regimes / ed. by H. E. Chehabi and Juan J. Linz. Baltimore and London: The Johns Hopkins Univ. Press, 1998. 284 p.
27. Wahman M., Teorell J., Hadenius A. Authoritarian Regime Types Revisited: Updated Data in Comparative Perspective // Contemporary Politics. 2013. Vol. 19. № 1. P. 19-34.
28. Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley: University of California Press, 1978. 1469 p.
29. Shkel' S.N. Protsedurnye faktory ustoichivosti avtoritarnykh rezhimov: kontseptual'naya ramka analiza // Pravo i politika. - 2014. - 6. - С. 799-806. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.6.12192.
30. Berezkina O.S. Klassifikatsii politicheskikh rezhimov: istoriografiya voprosa. // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. - 2014. - 2. - С. 143-156. DOI: 10.7256/2222-1972.2014.2.12428.